

13 декабря 1977 г.

письма

«ПЕСНЯ-РЕПОРТАЖ И З Ж И З Н И»

По вашей просьбе

Дорогая редакция! Мы являемся поклонниками творчества народного артиста СССР, композитора Арно Бабаджаняна. Каждая новая его песня — это праздник для сотен тысяч любителей музыки. Хотелось бы прочесть на страницах вашей газеты, над чем работает сейчас композитор. Узнать о его новых творческих планах.

Группа сотрудников института «Армгоспроект».

Выполняя просьбу читателей, наш корреспондент Г. Карапетян встретился с Арно Арутюновичем Бабаджаняном и взял у него интервью. Предлагаем его вашему вниманию.

— Известно, что Вы работаете почти во всех жанрах музыки. Расскажите, пожалуйста, о Ваших последних работах.

— Меня больше знают как песенника. Часто это бывает обидно. Ведь моя основная работа не песни писать. Недавно в споре я высказался по этому поводу так: классика — это моя «мать», а песни — мои «дочери».

Квартет памяти Д. Шостаковича музыкальная общечеловечность, судя по отзывам печати, оценила положительно. Хочу написать Третий концерт для фортепиано с оркестром.

С нетерпением жду появления на экране фильма Н. Оганесяна «На конкурс приехали повара». Мною написана музыка на слова А. Дементьева. Думаю, что и эта картина молодого талантливого режиссера будет удачной, ибо верю в спящий коллектив замечательных актеров Е. Симоновой, А. Джигарханяна, Е. Манаряна, С. Арутюняна, занятых в фильме о дружбе народов, о добрых людях. Кроме творческого, есть и личный интерес — одну из ролей играет мой сын Ара.

— А как появляется песня?

— Я даже сам не могу понять, как ко мне приходит мелодия. Это до того индивидуально, это такая неуловимая штука, причем каждый раз, в каждом сочинении все по-разному! Могу сказать точно: композитор сочиняет не тогда, когда садится за рояль или берет карандаш в руки. Намного раньше. Музыка вызревает в композиторе, как хрупкий плод. И приходит время, когда он должен созреть, и уже ничто не остановит этого процесса.

Многие осуждают меня за то, что пишу на готовом тексте поэта. Все зависит от моего жизненного впечатления, настроения. Почему же я могу вдохновиться стихами, а поэт не в состоянии воодушевить музыку? С друзьями-поэтами спора о первичности нет. Бывает и так, и этак. Но в большинстве случаев, честно говоря, сначала музыка. Это, по-моему, естественнее, а то некоторые делятся планами примерно так: сегодня пишу о Ромео и Джуль-

етте, послезавтра — о БАМЕ. Так настоящие композиторы не работают. Песня — это репортаж из жизни, активной, бурлящей. Песня приходит сама, как любовь, грусть, счастье...

— Арно Арутюнович, Ваши песни можно слышать по радио и телевидению, во время концертов и просмотров кинокартин. У многих создается мнение, что Вам пишется легко.

— Все мои крупные произведения — этапы жизни. Если застоялся и даешь продукцию «на-гора» — это называется «вариации на одну тему». Я пишу, значит, у меня есть сказать что-то новое.

И снова о песне. Вот я «поймал» начальную интонацию мелодии. Мне понравился, записал. На следующий день проигрываю — уже не нравится. Что делать? Оставляю в стороне. Через некоторое время возвращаюсь к ней. Мелодия в голове, «поешь» перед сном, утром поднимаешься с песней...

Продолжу рассказ о песне. Почувствовал полное удовлетворение, просишь прийти поэта. Играю несколько раз. Вдохновило его — получается полноценная песня. Мы встречаемся не раз и не два. Он говорит: «Знаешь, вот здесь было бы лучше ноту изменить, сделать ее звучание подлиннее или короче». Начинается совместный труд со взаимными уступками, компромиссами. Вот так появляется песня. Что потом? Вместе приходим к решению о выборе певца или певца для премьерного исполнения. Ведь та песня, которая хороша для Зыкиной, для Магомаева плоха, а о Ротару и говорить нечего. Песня должна соответствовать творческой натуре исполнителя, ибо и он должен внести свою лепту в общий труд. Следовательно, известные огагаемые: самовыражение композитора плюс самовыражение поэта плюс самовыражение исполнителя. Сумма та же — песня, только выше качество.

— Наша газета уже неоднократно поднимала актуальную проблему народной музыки. Недавно заинтересованные лица приняли участие в дискуссии, состоявшейся за «Круглым столом» редакции. Разумеется, трудно сделать обобщения на эту тему. Поэтому нам бы хотелось услышать Ваш отклик по этому поводу и спросить о будущем армянской песни.

— Я с интересом читал выступления «Коммуниста»

(вашу газету выписываю с давних пор), особенно заинтересовали меня размышления моего коллеги и друга Эдуарда Мирзояна. Хотелось бы дополнить сказанное им.

Композитор и народное творчество, фольклор — две разные системы. При их известной независимости они являются двумя ветвями одного национально-культурного процесса, разнообразно взаимодействуют, причем как сознательно, так и стихийно. Например, есть композиторы, которые, даже не обращаясь специально к народному творчеству, невольно впиваются в себя ту или иную национальную традицию, которая включает в себя народную. По-моему, дело не в том, чтобы перенесли в какое-либо сочинение народный напев, а в другом: перенося или не перенося его — воспроизвести в себе тот процесс, посредством которого с незапамятных времен творилось армянское народное пение

— сочинителями безымянными. Наиболее талантливые из моих коллег находят новые соотношения индивидуального и всеобщего, открывают ранее не известные интонационные пласты. Чтобы быть понятым слушателями, композитор должен выбирать наиболее актуальные, близкие народу темы и сюжеты, которые он стремится раскрыть средствами, доступными широкой аудитории. Для композитора очень важно найти их. Я считаю, что в наши дни в профессиональной музыке происходят открытия и новых народных культур и отдельных, ранее малоизвестных фольклорных жанров. Теперь ответу на вторую половину вопроса.

В будущем, да и сейчас армянская песня должна быть отмечена национальной достоверностью. Патристичность, порывистость, целомудренная нежность лирики (присущи армянскому искусству больше, чем принято говорить) должны быть представлены в ней.

В будущей песне мне бы хотелось видеть жар нестывающих романтических мечтаний композитора и поэта, их одержимость стремлением видеть и воссоздавать мир гармоничным. Что для этого нужно? Эмоциональная открытость и общительность, концертность и виртуозный блеск, темпераментность и жизненная достоверность музыкального языка армянской песни. При этом в конце концов будет достигнута очень высокая чистота сплава двух далеких интонационных миров — современной музыки и древнего народного творчества. Таким образом, армянская песня будет иметь высокую «пробу». Наконец, песня может и должна восприниматься как лирическое повествование, и даже хотелось бы назвать ее — «монологом».